Заложница чужих желаний

Автор:
Тальяна Орлова

Заложница чужих желаний

Тальяна Орлова

Жутко горячие властные пластилинчики

Влюбилась в негодяя и попала в лапы к еще худшему негодяю. Но ему мало получить меня, он хочет сломать, переделать меня под свои желания.

Тальяна Орлова

Заложница чужих желаний

Глава 1

Эта страстная влюбленность возникла буквально с первого взгляда, хотя до тех пор я в такую мгновенность эмоций не верила. Я встретила его вскоре после того, как поступила в институт и сняла маленькую квартирку в спальном районе. Просто пересеклись на троллейбусной остановке, улыбнулись друг другу, он явно этой встрече судьбоносного значения не придал.

После я уже специально старалась выходить на остановку в одно и то же время, но подобные маневры к повторному успеху не приводили. И все же мы жили в одном районе, в соседних домах, потому встречи неизбежно происходили, хотя никогда – по моему плану. Однажды мне повезло, мы пересеклись в троллейбусе в позднее время, потому я нашла повод и прицепилась:

– Извини, можно, с тобой пойду? А то темно уже, страшно.

Он хмыкнул:

– А меня, получается, не боишься? Идем, конечно.

Тогда и познакомились. С тех пор я получила моральное право называть его по имени и приветливо махать рукой издали – теперь-то мы не просто чужие люди. Однако на дальнейшее сближение мне силы духа не хватало, потому я радовалась целых два года тому, что могу хотя бы изредка его видеть.

Имя у моего избранника очень необычное – Кристиан. Или Крис, как он просил его называть, и со смехом добавлял, что у его почившей матери было презабавное чувство юмора – назвать так сыночка в российских реалиях. Крис был на вид старше меня примерно на пять лет и чрезвычайно попадал в мой вкус: высокий, худощавый зеленоглазый блондин, носивший очки в тонкой металлической оправе, которые делали из него идеал интеллигентности. В десятый или сотый поход от остановки до дома я поведала, что так поздно добираюсь из института – перед сессией преподаватели просто зверствуют и сдачи типовых с курсовыми принимают только вечерами. Как оказалось, Крис учился там же, но отчислился после второго курса – никак не удавалось совмещать работу и учебу, а положиться ему больше не на кого. У меня родня имелась и поддерживала меня издалека, но я его историей впечатлилась: Крис светился лоском и совсем не производил впечатления полной сироты – до тех пор я считала, что такие люди просто обязаны излучать ауру обездоленности. Крис изучал ауру отстраненности, но это только прибавляло ему шарма.

На вопросе о роде деятельности Крис отвечал, что занимается фрилансом и очень этим доволен – дескать, наработался он уже на чужих дядек и насиделся в офисах от звонка до звонка. Теперь его доходы выше, а занятости меньше, хоть и всегда над головой висит риск. Углубляться в эту тему он сам не стал, а я постеснялась спрашивать, какой же конкретно вид фриланса у моего прекрасного принца. Фантазия же рисовала что угодно: от творческого веб-дизайна до высокоинтеллектуальных переводов научных трудов. Когда-нибудь я все же открою для себя и эту маленькую тайну.

Наши отношения нельзя было назвать дружескими, мы просто изредка общались. И мне было крайне обидно признавать, что никакого повышенного

интереса моя персона у него не вызывает. Что же тогда, все студенты, зовущие меня на свидание или делающие недвусмысленные комплименты, врут о моей внешности? Наверное, я все же красива. Но притом я не умею себя преподнести – сама знаю, и подруги о том же говорят. Не использую косметику, хожу в джинсах или любой другой удобной одежде, забывая о том, что женственность необходимо подчеркивать, алмаз без огранки выглядит обычным камешком. И всем плевать, что от этого он не перестает быть алмазом, огранка – в смысле, то, чем ты можешь являться в идеале – и есть образ, который воспринимают все вокруг. Иногда мне даже казалось, что стоит взять у подруг пару советов по макияжу или стилю, но подсознательно я понимала: Крис вряд ли после этого вдруг взглянет на меня другими глазами. Ведь не зря шутливо называл меня «малявкой» – словно бы подчеркивал уже непреодолимую границу между нами.

На третьем курсе моя жизнь серьезно изменилась. Папу отправили на пенсию, а старшая сестра с мужем взяли ипотеку после того, как обзавелись уже вторым ребеночком. Для меня же эти радостные вести означали и другое: денег мне родители смогут высылать намного меньше, чем раньше. Переезжать из съемной квартиры в общежитие отчаянно не хотелось, потому я решила сопротивляться этой крайней мере из последних сил.

Устроилась в ресторан быстрого питания в вечерние смены. Зарплата оказалось таковой, что я и с ней едва сводила концы с концами, зато уставала страшно. И эта усталость уже через пару месяцев начала сказываться на учебе. Притом я понимала, что требуется еще какая-нибудь подработка – например, курьером по утрам в выходные. И уже всерьез обдумывала этот вариант, хотя рисковала свалиться замертво уже через пару недель такой нагрузки.

Мы в очередной раз встретились с Крисом, и я рассказал ему о своих заботах – не то чтобы я всерьез думала, что ему это интересно. Просто душа требовала поделиться с кем-то, а с кем делиться, если не с собственным прекрасным принцем? Он отнесся к моим нудным жалобам с неожиданным вниманием, в один миг даже показалось, что предложит что-нибудь – например, помогать ему в его таинственном фрилансе за какие-нибудь копейки.

Но он сказал совсем другое:

– Юль, – непривычно назвал меня по имени, а не набившей оскомину «малявкой». – Я был в твоей ситуации. Или даже хуже. И из того периода уяснил

только одну ценную вещь: не всегда сверхусилия дают сверхотдачу. Точнее, такого никогда не происходит. Хорошо живут те, кто не слишком напрягается по поводу каждой копейки.

– Ты о чем? – я действительно не понимала.

Крис будто задумался, а потом отмахнулся. И сказал немыслимое – то, о чем я в самых смелых фантазиях боялась помыслить:

– Слушай, завтра суббота. Может, посидим в кафе, поболтаем? – оценил мое застывшее лицо и добавил со смехом: – Не волнуйся, я угощаю!

– Конечно…

Ответила, а у самой внутри все разрывалось от счастья. Как же повезло, что я не успела устроиться на выходные курьером и теперь могу принять это приглашение! Неужели наши отношения наконец-то выйдут из стадии «поздоровались» и «почесали ерундой»? Или он пожалел меня? Меня это в тот момент не интересовало – душа взметнулась вверх и приподняла меня над поверхностью земли одной лишь мыслью, что в его предложении может быть романтическая подоплека! И тогда плевать на все лишения! Вот только в общежитие я не перееду – по той же причине, по которой не собиралась всерьез рассматривать этот вариант раньше – тогда бы я оказалась на другом конце города от своей мечты.

Вот только встреча прошла странно. Она не вписывалась ни в один из вариантов, которые я могла бы ожидать.

Мы заняли столик в уютнейшем кафе, для которого я постаралась принарядиться. Даже темные волосы на бигуди завила, мечтая произвести лучшее впечатление. И глаза подвела – не слишком ярко, а то чувствовала бы смущение от непривычности. Но мои и без того темные карие радужки стали будто еще глубже. Результат мне понравился. Показалось, он понравился и Крису, потому что он окинул меня очень внимательным взглядом, а после кивнул каким-то собственным мыслям.

И начал расспрашивать – обо всем. О моей жизни, о семье, о детстве, о моих планах на те времена, когда я обзаведусь дипломом о высшем образовании.

Восхищался тем, что в детстве я три года занималась танцами и совсем немного легкой атлетикой. Никаких особых успехов я тогда не достигла, но мне очень нравилось об этом рассказывать и видеть блеск в его глазах. Пришла в уверенность, что этот искренний интерес – признак серьезного увлечения. Ведь мне тоже хотелось знать о нем все на свете… Но Крис наш долгий разговор закончил совсем другим поворотом:

– Послушай, Юля, ты все еще живешь в какой-то сказке. Учти, что никто на всем белом свете ничего не даст тебе на блюдечке с голубой каемочкой. Хочешь иметь – пойди и возьми. И не жди лучших времен, помни об уходящем времени.

– Что ты имеешь в виду? – я все еще не улавливала никакого подвоха, только пыталась не смотреть откровенно на его тонкие, изящные губы, на его длинные пальцы, подошедшие бы пианисту.

– Ты мне нравишься, – окончательно выбил он меня из колеи. – И потому я буду с тобой откровенен. У меня есть много друзей, которые могли бы тебе помочь. Но для этого надо сломать некоторые шаблоны. Уяснить, что ты можешь решить все свои проблемы уже сегодня. Ну, может, не сегодня, а завтра. Или после обучения. Все зависит только от тебя.

– Ты говоришь о какой-то работе?

Он совершенно очаровательно улыбнулся:

– О работе или хобби, смотря как к этому относиться. Но даже на хобби можно зарабатывать.

Я растерялась, потому, не перебивая, просто слушала дальнейшие объяснения. Крис же выдержал длинную паузу, будто давал мне больше времени на какое-то важное осознание:

– Например, я мог бы пристроить тебя… танцовщицей. В ночной клуб.

Влюбленность сильно меняет восприятие, отупляет, но даже до меня в том состоянии дошел смысл:

– Подожди, ты случайно говоришь не о стриптизе?

Он изящно развел руками:

– Я же говорил про шаблоны. А что здесь такого, Юль, если ты станешь зарабатывать примерно в шесть раз больше, чем сейчас?

– Я… я не думаю, что мне это подходит… – мне очень не хотелось портить с ним отношения истерическим отказом.

– Понимаю! – он даже не расстроился. – Для подобных танцев нужна серьезная подготовка, и любую туда не возьмут. Это только один из множества вариантов, Юль. Важно-то другое – ты сама способна принять как факт, что достойна совсем другой жизни? Или будешь продолжать цепляться за то, чему тебя еще в детском саду обучали как основам высокоблагородства?

Аппетит почему-то пропал. Но я больше двух лет ждала этой встречи! И просто физически не могла закончить ее на какой-то неприятной ноте:

– Я рада знать, что тебе не все равно, Крис! Правда! Я обещаю подумать!

– Подумай, конечно. Только не слишком долго. На такие вакансии всегда море желающих, – он снова принял отстраненный вид, словно потерял интерес к нашему разговору. – Я просто хотел помочь.

На самом деле, всерьез я не думала. Дома покопалась в интернете и восхитилась профессионализмом некоторых танцовщиц в подобных заведениях – на такой высший пилотаж я просто не способна. И такие танцы – это удел асов после многолетних тренировок. Стриптизерша – это вовсе не проститутка, как поначалу кажется любому неосведомленному. Смущало другое: Крис упоминал еще какие-то варианты, которые так и не озвучил. И которые вроде бы того же профессионализма не подразумевают. И тут моей фантазии хватило только на один вид деятельности… Там навыков и не нужно, достаточно иметь две ноги и промежность между ними.

Однако я была влюблена, потому вскоре убедила себя, что Крис вовсе не это имел в виду. Никогда подобного он мне не предложил бы, да ведь он образец

интеллигентности! Просто я додумала, а вслух ничего подобного не прозвучало. Я сама своей реакцией не породила в нем желания распространяться о других перспективах, так кого винить? Если снова позовет, то прямо и поинтересуюсь. Лишь бы позвал!

Глава 2

Кстати говоря, наши отношения после того разговора, который язык так и не повернулся назвать свиданием, кардинально переменились, что усыпило мою бдительность окончательно. Теперь Крис окликал меня издали, догонял и с намного большим интересом расспрашивал о моих делах. Да и сами встречи отчего-то начали случаться чаще – в них я и черпала силы на преодоление собственных тягот.

Крис с очевидным сочувствием качал головой, выслушивая мой график дня, но больше двусмысленных предложений не делал. А может, я и в первый раз себе больше надумала: человек просто хотел помочь, предложил, но уговаривать меня явно не собирался. Однако зрела неосознанная идея о том, что просто для нового виража первого разговора еще почва не созрела. Ведь я хоть и погрязла в трудностях, но пока сдаваться не собиралась и все еще поддерживала уверенность в собственных силах.

Строго говоря, дела мои улучшаться не собирались. Впервые за всю учебу я завалила лабораторную – попросту не успела сдать вовремя, а преподаватель четко разделяет студентов на нерадивых и тех, кто рвет и мечет ради пятерки. Предыдущие мои заслуги позабылись уже два месяца назад, и теперь я угодила в черный список «нерадивых», к коим и отношение особенное. До угрозы отчисления еще слишком далеко, в конце концов все решает сессия, но первый звоночек прозвучал, игнорировать невозможно.

И вместо того, чтобы сидеть до последнего для пересдачи, когда уставший профессор хотя бы из жалости к самому себе начнет рисовать тройки, мне пришлось лететь через несколько кварталов на работу. Ведь и там можно опоздать, тогда мои проблемы еще сильнее усугубятся.

Когда я уже плелась, не чувствуя ног, от остановки до дома, впереди рассмотрела знакомую фигуру. Обрадовалась, конечно, вмиг забыв о своей усталости.

– Крис… – мой оклик был заглушен проезжавшей мимо машиной.

Крис резко свернул к углу супермаркета, там его ждал какой-то щупленький подросток. Они разговаривали не больше двадцати секунд, я успела сократить расстояние лишь немного, решив попросту догнать своего принца. Крис, будто почувствовав мой взгляд, резко развернулся, а подросток бросился бежать в другом направлении.

Крис через секунду замешательства тоже рванул в ту же сторону, но тот самый автомобиль с заносом развернулся и рванул туда же. Я быстро сообразила, что Крис испугался вовсе не меня – возможно, меня он даже не заметил. Машина перекрыла парню дорогу, и уже на ходу из нее выскочил мужчина. Следом еще один. Короткий крик, после чего Криса просто закинули в салон и уехали.

Окаменев от ужаса, я так и стояла на месте, теряя драгоценные секунды. Даже номера не разглядела в панике! Но то, что сейчас на моих глазах совершилось похищение, дошло довольно быстро. Ноги стали ватными, однако я заставляла себя бежать вперед – к освещенному входу супермаркета. Не вполне понимая, что именно собираюсь делать, залетела в первое такси.

– За той машиной! Пожалуйста! Вон та, на выезде со стоянки!

Водителю, в общем-то, было плевать куда ехать. Он и мою истерику оценивать не собирался:

– В погоню будем играть? Только при соблюдении скоростного режима, дамочка, – флегматично заметил таксист. – А то много вас в последнее время развелось, игрунов.

Мне повезло, что похитители были вынуждены притормозить, на выезде от большого магазина всегда скопление машин. Не по крышам же им ехать. Собственно, в городе у них вообще немного пространства для маневров, если они сами не хотят привлечь к себе лишнего внимания. Конечно, я все еще глупо надеялась, что это какой-нибудь розыгрыш – приятели Криса решили вот так

подшутить, мало ли что молодым парням в голову взбредет? Но в опровержение этой версии вспоминался его взгляд, когда он обернулся: Крис испугался сразу и сразу знал, что едут именно к нему.

Теперь я просто хотела немного приблизиться к машине и разглядеть номера. После чего, само собой, отправлюсь в полицию. Пока же для заявления просто нет сведений. Но к несчастью, между нами постоянно оказывалось несколько машин, я только на поворотах видела, что мы все еще не потеряли их из виду. Но на очередном перекрестке я уже машину не разглядела.

– Надо развернуться! – излишне эмоционально воскликнула я. – Они свернули на предыдущей развилке!

Водитель поморщился, включил поворотник, очень терпеливо дождался зеленого сигнала светофора, после чего аккуратно развернулся на перекрестке. Флегматичный, осторожный, совершенно спокойный профессионал, которому всерьез плевать, что происходит. Я же указывала на нужный проезд, надеясь, что ехать надо именно туда. Таксист без пререканий проехал на неосвещенную дорогу и припарковался к обочине.

– Дальше ехать нет смысла, дамочка. Там производственные склады. Через сто метров шлагбаум, без пропуска просто не проедешь.

– Да как же вы не понимаете? Еще немного!

– Шлагбаум. Через сто метров, – монотонно повторил мужчина.

Я вынула из кармана всю имеющуюся наличность, высыпала ему в ладонь и выбежала из машины. Он что-то крикнул мне в спину – быть может, денег было недостаточно. Ну, так пусть бежит следом! Я только за.

Про шлагбаум он не соврал. Вот только он был поднят. Будка охраны зияла безжизненной пустотой, а все уличные фонари остались позади. Я сбавила ход и шла теперь осторожно, прислушиваясь к каждому шороху. Глупость немыслимая, но в тот момент я даже не задумывалась, что идти туда не следует. И что Крису я в одиночку точно не помогу.

Здания пугали полуразрушенностью и отсутствием ощущения человеческого присутствия. Я теперь вообще на освещенное луной пространство не выходила, все жалась к стенам – в черной тени меня можно было только услышать, но не увидеть. Вздрогнула, когда за поворотом разглядела машину – кажется, ту самую. Теперь заглушенную и пустую.

Я медленно отошла назад, свернула в какой-то черный закуток. После этого вытащила телефон и трясущимися пальцами набрала номер полиции. Пыталась унять эмоции, чтобы в рассказе прозвучало все важное: где похитили, куда привезли, номер машины, кто сама такая. Последний вопрос озадачил своей нелепостью, но я ответила и на него. Дождалась самого важного «Высылаем наряд», после этого начала дышать.

Если бы речь шла не о Крисе, а каком-нибудь другом человеке, то я, скорее всего, поступила бы так же. Вряд ли со спокойной душой прошла бы мимо. И теперь могла себя похвалить – все сделала очень верно, осталось дождаться полиции и за это время не сойти с ума от беспокойства.

Если бы речь шла не о Крисе, то я, наверное, так и стояла бы в этом закутке до самой развязки катастрофы, но после того, как раздался выстрел, бездумно вылетела из своего надежного укрытия и снова побежала вперед. Мне раньше не доводилось слышать выстрелы, но я не сомневалась, что не ошиблась. Чувство самосохранения все же прижимало меня к темным стенам, я все равно добралась до нужного здания и разглядела низкий оконный проем без стеклины. Замерла рядом с ним на несколько секунд и убедилась, что голоса звучат внутри.

Осторожно, игнорируя стук сердца в ушах, поднялась и заглянула туда. Люди находились внизу, в освещенном тусклой лампочкой круге, перекрытие между подвальным и первым этажом оказалось или разрушенным, или недостроенным. Стараясь не шуметь, я пробралась через проем на навес, прижалась к полу. Медленно, без единого вздоха, передвинулась к краю. Рассмотрела мужчину, сидящего на стуле. Вначале показалось, что это Крис, но вальяжная поза, вытянутые ноги и темная макушка опровергали эту версию. Говорил именно он, как-то бесконечно спокойно, лениво растягивая слова:

– …в прошлый раз, крыса. Зачем же так? За тебя вон, брат поручился. Себя подвел, его подвел. Но хуже всего я воспринимаю, когда подводят меня.

Приблизившись еще ближе к краю, я смогла рассмотреть и остальных. Крис стоял на коленях, руки связаны за спиной. Сверху было плохо видно, но, похоже, его били – рядом на полу красные пятна, похожие на кровь. Прямо рядом с ним громила, с другой стороны – еще один. Чуть подальше от остальных светловолосый мужчина, низко опустивший голову, будто разглядывает собственные ноги. О каком брате говорит похититель? Крис неоднократно повторял, что у него вообще никого из родни нет.

– Мишань, – мужчина продолжил тем же тоном с неуместным спокойствием. – Он плохо меня слышит? Разбуди товарища, а то как-то неприятно разговаривать с собой.

Крис резко дернулся от правого громилы, но тот ухватил его за волосы, а другой рукой с коротким размахом ударил в лицо. Отступил, после чего Крис затараторил:

– Извините, Сергей Андреевич! Вы все неправильно поняли!

– О. Со мной такое иногда случается – понимаю все неправильно. Так расскажи, мил человек, будь добр. Какого хрена ты должен девочек агитировать, а вместо того дурь на чужой территории толкаешь? Цены снижаешь, собственным же коллегам бизнес портишь. Я для этого твою смазливую рожу в штат брал?

– Вы неправильно поняли, – причитал Крис с отчаяньем. – Маманька сильно заболела, деньги на операцию нужны! Но я собирался все рассказать вам. Сегодня же!

Мужчина на стуле повернулся всем корпусом в сторону отдельно стоявшего блондина, который все еще не поднимал головы. Спросил у него:

– Скажи и ты, Эдик. Врет?

Тот ответил после паузы и очень тихо, как будто каждое слово вызывало в нем боль:

– Врет, Сергей Андреевич. В порядке мать. Я ей каждый месяц деньги шлю, ни в чем не нуждается. Но, прошу вас, дайте еще…

Упомянутый Сергей Андреевич, который явно был здесь главным, перебил его холодным равнодушием:

– Хватит. Два раза я этому крысенышу давал шанс. Но в семье, как вижу, не без урода. Зря ты его из поселка сюда тащил.

– Зря, Сергей Андреевич! Но брат же! Там бы вообще пропал!

– И здесь пропадет, чует мое сердце, – главный издевательски развел руками и снова перевел взгляд на Криса. – Как же так получается, милый друг, что ты в серьезное дело вошел, а серьезно к делу относиться не научился?

– Простите, простите! – Крис от отчаянья был готов умолять. – Я прошу… Ну, назначьте сумму компенсации ущерба – все верну, клянусь! Больше такого не повторится, Сергей Андреевич!

– А как же долг вернешь, если «больше такого не повторится»? Это жадность, Крис. Эдакий червяк в животе, который не позволяет радоваться тому, что уже имеешь, и всегда хочет большего. От жадности так просто не избавишься. От тебя всегда будут проблемы.

– Сергей Андреевич… – снова начал просить мужчина, которого назвали Эдиком.

Но главный опять не дал ему закончить:

– Есть такие правила, Эдик, которые лежат в основе всей структуры. Одна поблажка – и структура развалится на запчасти. А если я снова услышу твой голос, то Мишань прострелит тебе коленную чашечку. К тебе у меня претензий ни разу не возникло, пока ты эту крысу к нам не запустил. Так вот только намекни, что тебе нужно больше времени на осмысление, и пока будешь в больничке лежать, хватит времени подумать над тем, как устроена любая структура. И что твою маму в поселке эта самая структура и содержит.

– А с этим что делать, босс? – спросил другой бугай, который до сих пор молчал.

Сергей Андреевич вздохнул.

– Да что ты с ним сделаешь? Не перевоспитывать же. Если он брата так запросто подставил, то и мать сольет, и кого угодно, такие не меняются. Так что давайте уже закончим неприятный вечерок, да разъедемся отдыхать.

Эдик сильно вздрогнул – он понял смысл. Я же тряслась всем телом, даже зубы стучали. Сколько времени прошло? Когда явится эта чертова полиция?

Крис плакал, просил, причитал. Но Мишань медленно вытащил из-за пояса пистолет, взвел курок и приставил к виску жертвы.

Полиция приедет, по моим объяснениям они наверняка рано или поздно найдут правильное место. Но обнаружат здесь только тело, потому что будет поздно. Потому что они опоздают буквально на несколько минут.

Если бы речь шла не о Крисе, я, возможно, поступила бы так же. Это было не осознанное действие, не результат какого-то решения – я просто физически не могла смотреть, как на моих глазах убивают человека, хотя спасение уже так близко. Вскочила на ноги и закричала:

– Стойте! Подождите!

На меня тут же уставились все. Я на трясущихся ногах шла по навесу к лестнице вниз, подняв руки, как будто сдавалась. И с каждым шагом болезненно ощущала дурость собственного поведения – теперь убьют не только Криса… Но если мне удастся протянуть время до приезда полиции, то мне удастся спасти нас обоих!

Спустилась к ним, остановилась перед лестницей, ноги дрожали так сильно, что я едва могла стоять. Лепетала какой-то несусветный бред – нас может спасти любая выигранная минута:

– Прошу, подождите! Крис это не просто так… Вы понимаете… Мне нужны были деньги… Он хотел… Он не хотел вас подводить!

Мужчина встал со стула и сделал шаг ко мне, заинтересованно разглядывая. Он оказался моложе, чем я предположила по его голосу. Наверное, слегка за тридцать. Темные волосы редкими прядями падают на лоб и делают его похожим на какого-то актера. Ну да, актера из бандитского боевика. В его

жутких глазах, цвет которых при таком освещении разобрать невозможно, даже теперь не проскользнуло удивление – только любопытство.

За его спиной раздалось насмешливое:

– Этот придурок на наше свидание и невесту свою пригласил? А невеста сейчас нас всех уговорит сделать себе харакири?

– Заткнись, Мишань, – тихо отрезал Сергей Андреевич. – Пусть и невеста скажет, раз уж заглянула. Что же она, зря неслась за нами на крыльях ночи?

Полиция приедет через несколько минут! А если не успеет, то в этом мире нет ни капли справедливости.

Я бормотала, не вполне представляя, как мои слова звучат:

– Пожалуйста, не убивайте его! Я прошу вас! Он все осознал…

Сергей Андреевич спросил, не оглянувшись:

– Крыса, это что за девица?

Тот повернулся лишь профилем, но я успела увидеть, что вся правая часть его лица затекла – глаза не видно. Сплюнул кровью.

– Дура одна. Обрабатывал ее.

– И что же не обработал? Гляжу, смелая, – главный снова сделал шаг ко мне, а я от ужаса уже не могла пошевелиться и только считала в уме секунды – вот сейчас, еще мгновение и сюда ворвутся полицейские. – Такую, если в порядок привести, можно не только на улице ставить. Даже для центрального заведения сойдет.

– Не успел… – ответил Крис, снова уставившись в пыльный пол.

– Не-ет, – протянул босс. – Ты просто отвлекся на более быстрые источники заработка – толкать мою же дурь в моем же районе. Вместо того чтобы заниматься своими прямыми обязанностями.

Он шагнул чуть в сторону – показалось, что будет обходить меня кругом. Но остановился чуть сбоку, хотя теперь оказался слишком близко. Я не могла смотреть на его лицо прямо.

– И как же зовут необработанную невесту?

– Юля, – глупо промямлила я.

– Вечер добрый, Юля, – совершенно издевательски ответил он. – Так что же, не хочешь, чтобы твоего красавчика пришили?

– Н…не хочу, – в тот момент я жалела уже обо всем на свете. Лучше бы я задержалась на пять минут на работе или вышла из троллейбуса на пять минут раньше. Лучше бы дошла до дома и ни о чем не знала! Лучше бы я потом локти кусала и мучилась, куда же пропал Крис. Потому что в любом другом случае все равно не смогла бы себя остановить и оказалась бы именно в этой жуткой точке под пристальным взглядом убийцы.

– Тогда мы можем договориться, Юля, – до меня только через несколько секунд дошел смысл сказанного. – Я могу дать нашему общему знакомому еще один шанс, но за это попрошу тебя о маленькой услуге. Раз ты такая смелая, то точно согласишься. Мишань, приставь снова ствол к его голове для создания правильной атмосферы.

– Что? – мой голос прозвучал писком на грани слышимости.

– Я тут подумал, что ты можешь поднять настроение нам всем. Иди, садись в машину, Юля. Поедем в другое, более романтическое место. Приятно проведем время. Сначала со мной, потом с Мишаней и Никитой, им твой дружок тоже испортил вечер. А он с радостью воспользуется еще одним шансом и будет жить припеваючи, если научится обуревать свою жадность.

Предложение прозвучало однозначно. Даже мне, неискушенной и наивной, было понятно каждое слово до последнего пункта. Я должна переспать… со всеми этими типами. В этом случае Криса, возможно, убивать не станут. А если откажусь, то первая пуля прилетит ему в висок, а вторая – уже в меня. Хотя никто им не помешает до этой самой пули поразвлечься и после пристрелить. Ситуация зашла в полный тупик. Сколько же времени прошло?

– Я… согласна, – произнесла едва слышно. – Идти в машину?

Он не улыбнулся, а его взгляд не потерял внимательности.

– Да, иди.

– А вы не… – я невольно глянула на Криса.

– Сегодня твой дружок будет жив. И будет жить до тех пор, пока в очередной раз не накосячит. Даю тебе слово, я всегда соблюдаю условия сделки. Иди, мы скоро.

Я передвигала ноги медленно, прислушиваясь к звукам за спиной. Кажется, босс отдал приказ развязать пленнику руки. Слышала, как Крис сдавленно повторял:

– Спасибо, Юленька, родненькая, спасибо…

Конечно, я не собиралась всерьез идти на эту сделку. Просто понимала, к чему приведет немедленный отказ. А мне требовалось еще время, я и не рассматривала другого варианта. Сейчас возле машины снова начну о чем-нибудь лепетать, лишь бы меня не увезли. Очень удивилась тому, что следом за мной никто не пошел. Или шел, но я просто не оглядывалась и этого не видела? Но стоит мне побежать – и меня тут же перехватят.

Ночной воздух ударил в лицо прохладой. Вдох. Три шага. Вокруг все та же бесконечная тишина. Остановилась возле машины и медленно повернулась. Мишань в шаге от меня, следом за ним уже выходили босс и еще один ухмыляющийся бугай. Зажмурилась. Выдох. О чем бы сейчас поговорить, чтобы выкроить еще секунды? С ними я точно не поеду.

Сергей Андреевич подошел почти вплотную, я невольно отшатнулась, чем вызвала только усмешку.

– Куда подевалась твоя смелость, Юля?

– Я… Я боюсь.

– Меня?

Я даже не знала, что на это отвечать – и так все очевидно. Но он вдруг широко улыбнулся и стал выглядеть от этого еще моложе. Довольно приятное лицо – по такому никогда не предположишь, какой монстр скрывается под личиной. Ответила то, что пришло в голову:

– Того, что будет.

– Девственница?

Я кивнула. В любых других обстоятельствах я посчитала бы вопрос бестактным, но нынешние вообще никакой нормальности и тактичности не подразумевали. Зато мы все еще оставались на месте, значит, пока еще я все делала правильно. Я готова отвечать на какие угодно бестактные вопросы, лишь бы на них все и закончилось.

– Тогда сегодня буду только я, – довольно громко ответил Сергей Андреевич. – Мишань, Никита, не обессудьте. Сегодня дама нуждается в интенсивных ухаживаниях, а потом уже по установленному тарифу.

Бугаи переглянулись с иронией, один даже хохотнул. Как будто они и вовсе изначально не рассчитывали на веселье.

– Садись уже, поедем, – он отступил к двери водителя.

И только после этого я услышала долгожданный звук, вначале даже не поверила. Но уже через секунду из-за дальнего склада повернула машина с мигалкой наверху. Она ехала без сирены, но довольно быстро. Я готова была просто разрыдаться от счастья, но сил хватило на то, чтобы осесть на землю.

Хотя слезы все равно немного потекли.

Однако если до тех пор я чувствовала себя героиней фильма ужасов, то теперь перенеслась в какой-то бредовый арт-хаус. Полицейских оказалось всего двое. Один, грузный, излишне спокойно и не глядя на меня, прошел мимо… и протянул руку для рукопожатия.

– Сергей Андреич, ну как же так? Ведь договаривались, чтоб все было тихо.

– А я разве громко? – тот ответил с улыбкой и пожал руку.

Мне бы в этот момент потерять сознание, чтобы больше ничего не видеть и не слышать. И не чувствовать, как привычный мир распадается на мелкие осколки. Купленные полицейские? Разве такое и в жизни происходит?

Другой в форме кивнул на здание:

– Надеюсь, мы там жмуриков не найдем? Конец смены, я в кои-то веки обещал с сыном уроки сделать. Совсем балбесом растет.

– Никаких жмуриков, товарищ сержант, – ответил ему Мишань. – Побили немного в воспитательных целях. Если он только до смерти не обделался, – и хохотнул.

Они еще о чем-то болтали, я не вслушивалась – так, по-житейски, старые приятели, случайно встретившиеся на улице. Мою голову словно набили непроницаемой ватой.

И после, когда полицейские уехали, монстр присел передо мной на корточки и как ни в чем не бывало поинтересовался:

– Устала и решила отдохнуть? Вставай уже, сделка-то в самом разгаре. Это хорошо, что ты номера машины назвала – сразу свои приехали. А то бы еще на полтора часа затянулось наше свидание, пока с каждым договоришься, пока все разногласия устранишь.

Он подхватил меня и поставил на ноги. Я даже не поняла, кто затолкал меня в машину. Возможно, даже впала в какое-то беспамятство, зажатая с двух сторон

двумя огромными телами. Надо быстрее прийти в себя и придумать, как сбежать. Они не станут меня насиловать, это просто невозможно – мой мир и так разрушен, от него даже осколков не осталось. Больше разрушать нечего… потому все как-нибудь разрешится. Мне только следует срочно прийти в себя и начать думать.

Глава 3

Оставшись с ним наедине, я неизбежно начинала приходить в себя. Я боялась пистолета Мишани, боялась сальной ухмылки Никиты, а этого гада я боялась больше их обоих вместе взятых. Но все равно шок отступал, будто бы организм сам выжимал его из меня, как какой-нибудь вирус.

Меня втолкнули в квартиру, после чего все посторонние растворились за спиной. Сергей Андреевич, не оборачиваясь, прошел в огромную студию, не оглядываясь на меня, мявшуюся у двери. Скинул пиджак, бросил его на диван, остался в черной футболке. И тогда я с удивлением обнаружила, что уже стою на ногах сама, волнение переисчерпало себя, а потому теперь вынуждено отступать. Хотя, конечно, проходить дальше мне не хотелось. Я просто осматривалась и думала, с чего начать разговор, чтобы он закончился тем, что мне нужно.

Роскошная элитка без разделения на отдельные комнаты. Справа шикарная кухня с большим стеклянным столом, слева, должно быть, дверь в ванную, впереди одна сплошная территория размерами с половину школьного спортзала. Здесь и гостиная, и кабинет, и спальня… на полукруглом возвышении установлена кровать, от вида которой я снова задрожала и потому отвела взгляд. Мое смущение и страх не помогают, скорее наоборот: таких беспринципных извращенцев наверняка заводят бледнеющие девицы, парализованные ужасом.

Мой шаг вперед был неуверенным, но я похвалила себя и за него. Однако на второй сил уже не хватило. Зато голос прозвучал достаточно громко, что удивило меня саму:

– Вы красивый мужчина, Сергей Андреевич.

Я не собиралась развешивать ему комплименты, хотя и не соврала: он был высок, строен, обтягивающая футболка не скрывала его фигуры. Точеный профиль я могла разглядеть, пока он с бесконечным спокойствием наливал что-то из бутылки в стакан. Он действительно красив, однако в мои цели не входили романтические признания. Просто пыталась нащупать хоть какое-то верное направление разговора. Он повернулся ко мне и иронично изогнул бровь:

– Да ладно. Тогда, полагаю, твоя услуга станет чуть менее неприятной.

Я же не позволила страху вновь затуманить мысли и продолжила, а голос становился все тверже:

– «Услуга», как вы выражаетесь, будет в любом случае неприятной. Я ведь могу задавать вопросы? – он улыбнулся чуть шире и кивнул. – Неужели вам приходится насиловать женщин? Мне всегда казалось, что у таких отбоя нет – бери любую.

Мужчина присел на спинку дивана, развернутого в центр гостиной. Сделал глоток, слабо поморщился – вряд ли от пойла. Быть может, от моих слов. Лишь после этого ответил:

– Во-первых, Юля, ты совершенно напрасно возомнила себя тут самой умной. Эти твои попытки уязвить или надавить на совесть помогли бы в случае, если бы меня можно было уязвить или у меня была бы совесть. Во-вторых, ни о каком изнасиловании речи не идет. Поправь, если меня подводит память. Не ты ли сама согласилась на сделку?

Я снова отступила, не смогла сдержаться. Он заметил и усмехнулся, но сам с места не сдвинулся. Интересно, если я добегу до двери, то смогу ее быстро открыть? Лучше пока не рисковать, потому что шанс один. Я попытаюсь убежать, когда он отвлечется.

– Я согласилась, – признала как можно неэмоциональнее, – поскольку испугалась. Я была уверена, что вы меня сразу убьете, если откажусь.

– Тебя убьем или твоего дружка? – он снова улыбался, немного щуря при этом глаза.

– И дружка, – отозвалась я. – В конце концов, не каждый смог бы спокойно смотреть на то, как убивают его знакомого. Я не смогла.

– Жалеешь?

– Жалею.

Ответила без паузы, потому что так и было. Если бы я могла отмотать время, то ни за что не поступила бы так же. И пусть бы проклинала себя всю оставшуюся жизнь, но не погрузилась бы в этот кошмар полностью. Я влюблена в Криса, но никогда, даже в момент заключения этой нелепой сделки, не собиралась отдаваться даже за его спасение. Однако мы все еще просто разговариваем – вероятно, это признак того, что пока я все делаю правильно?

– Расскажи о нем, – вдруг попросил Сергей Андреевич.

– Уверена, вы о нем знаете куда больше моего.

– Так и есть. Но расскажи теперь о своей стороне истории. Сколько вы знакомы?

– Больше двух лет.

– Ого. И за это время он не залез к тебе в трусики?

– Даже не пытался.

– И все же о работе вы разговаривали? – Сергей Андреевич чуть склонил голову, не отрывая от меня пристального взгляда.

– Он… он предлагал устроить меня в стриптиз.

– Ты ведь понимаешь, что под стриптизом он подразумевал не совсем стриптиз? – мужчина, кажется, издевался. По крайней мере голос его звучал издевательски.

И нет, я этого не понимала. Первые сомнения сразу отмела и только сегодня, можно сказать, увидела Криса таким, каким его раньше не представляла. Да вот только на осмысление новых обстоятельств мне никто времени не дал. Оказаться бы дома, чтобы все это осталось позади, как кошмар. Вот тогда я и смогу ответить вернее, каково мое отношение к Крису теперь. Сейчас же от меня явно ждали ответа.

– Если вы говорите о… – я невольно запнулась на полуслове, но заставила себя продолжать, – о проституции, то я точно не гожусь для такой работы.

Он легко пожал плечами и будто потерял всяческий интерес ко мне, сосредоточившись на выпивке.

– Может, и не годишься. На первый взгляд точно не годишься. Но ты определенно совершеннолетняя и испытываешь финансовые трудности, иначе он не стал бы вообще тратить время на такую, как ты. А домариновать можно любую, даже если вначале она уверена, что не годится.

– Такую, как я? – я выцепила самое важное.

– Да. Зажатую, закомплексованную, романтичную дуру, не имеющую ни малейшего представления о жизни. Поставь тебя сейчас на улицу, так ты бы своим видом любого клиента разжалобила так, что он предпочел бы тебя удочерить, а не трахнуть. Хотя… после все равно бы трахнул, но со слезами жалости на глазах.

Вся моя сила воли – буквально вся – ушла на улыбку. Я тянула уголки губ в разные стороны с таким усилием, как если бы от правдоподобности этой гримасы зависело все мое существование. И даже в голос смогла добавить искринку иронии:

– Сергей Андреевич, а какие у меня шансы разжалобить вас?

Он неожиданно громко рассмеялся, резко встал и подошел ко мне. Я замерла и даже зажмурилась от новой волны страха. Мужчина наклонился к моему уху, притом меня даже не коснулся, прошептал тихо и отчетливо:

– Нет. Потому что ты сама подписалась, тебя никто за язык не тянул.

Я ответила тоже шепотом:

– Разве у меня был выбор?

– Был. Не заметила, что тебя никто не держал? Если бы ты развернулась и побежала, тебя бы даже догонять не стали. Похохотали бы над твоей тупостью и все. Я спрашиваю только с тех, кто мне что-то должен. Ты должна мне, Юля. Потому что сама, по доброй воле решила, что жизнь этого говнюка того стоит. Или надеялась на помощь полиции. Но это ведь не важно, ты понимаешь? И чем быстрее рассчитаешься, тем быстрее это закончится. Так что, продолжим болтать?

Последняя надежда разлетелась в щепки. Хотя все-таки оставалась еще одна – сбежать. Я выдавила, не скрывая неприязни:

– Хорошо. Но я хочу помыться.

– До или после? – он снова издевался и переместил лицо так, чтобы смотреть мне в глаза. А у него радужки оказались серыми. Моя предстоящая унизительная пытка плескалась в этих серых, совершенно бесчувственных глазах. Ответа моего ждать он и не собирался, сжалился или дал мне возможность настроиться: – Иди, конечно. Ванная там.

– А вы? – я обернулась возле указанной двери.

– Зовешь присоединиться?

– Нет! – слишком эмоционально от напряжения ответила я.

– Тогда я после. Иди, – он отвернулся, но я явно разглядела улыбку на его лице.

Мылась быстро, подгоняя себя очередной несбыточной надеждой. Натянула ту же одежду на влажное тело, выскочила в гостиную, заставила себя сесть на диван. Не подпрыгнула сразу же, когда и он скрылся в ванной комнате, а дождалась звука зашумевшей воды. И только после этого подбежала к двери.

Через пять минут стало ясно, что он не просто так оставил меня без присмотра. Выбраться из квартиры без его помощи невозможно. Если только в окно прыгать. Уж не знаю зачем, но я подошла и к окну, с тоской глядя на ночной город с высоты двенадцатого этажа. До самого страшного момента оставались минуты, а внутри живота вызревала истерика. Я не хотела умирать, прыгая из окна. И уж точно не хотела быть изнасилованной каким-то чудовищем…

Подошла к высокому столику, налила из той же бутылки в тот же стакан, который он оставил. Вроде бы коньяк – слишком крепкий, я с трудом проглотила. Налила снова. Алкоголь притупляет восприятие, я собиралась успеть довести себя до такого состояния, чтобы свести вообще все восприятие к нулю. Кажется, сукин сын давал мне эту возможность, потому что явно не спешил. Налила еще, теперь до половины. Коньяк, кстати говоря, пошел чуть легче, но все равно имел жуткий вкус. Да и черт с ним. Со всеми ними. Когда-нибудь, лет через двадцать, я, возможно, смогу вспоминать об этой ночи без содрогания. А если очень повезет, то я вообще наутро ничего не вспомню. Точно, это самый лучший вариант. Просто пережить и навсегда забыть. От крепости на глаза наворачивались слезы, но я все равно делала следующий глоток.

– Я не против, чтобы ты расслабилась, но ты явно увлеклась, – раздался голос сзади.

Я развернулась и отставила стакан на столик, чуть расплескав на белоснежный ковер. Плевать. У этого гада столько денег, что наймет себе сотню уборщиц. Языками вылижут, если его величеству придет в голову это приказать.

Теперь он был без футболки, только в светлых домашних штанах, по голой груди с волос стекали капли. К сожалению, я не успела выпить достаточно, чтобы от этой картины не вернулось осознание – что прямо сейчас произойдет. В голову ударило это осознание, выхлестнуло последние капли самообладания, а на глаза навернулась белесая муть. Уже не слезы, скорее истерика в сухом остатке.

* * *

Кажется, я с прошлого курса так чудесно не высыпалась. Сладко потянулась, не открывая глаз, но тут же поморщилась от резкого приступа головной боли. Вместе с болью пришло и осознание. Я резко села, распахивая глаза и, вопреки

последней надежде, обнаружила себя в той самой квартире. Сердце остановилось, но я обернулась и имела несчастье лицезреть его.

Сергей Андреевич лежал на спине и смотрел на меня, не скрывая веселья. До талии он был укрыт тонким одеялом, не тем же, под которым спала я; одна рука под головой для удобства – чтобы испепелять меня иронией. С удивлением обнаружила, что сама я одета: только ветровки нет, но джинсы и футболка на месте. Кроме того я не чувствовала никакой боли… внизу. Чего, наверное, стоило ожидать после изнасилования. Вряд ли я сопротивлялась, если вообще никаких подробностей не помню. К горлу поступила тошнота, а во рту словно кошки нагадили. Все-таки вчерашний коньяк сработал – я за несколько минут выпила больше, чем вообще пила за всю предыдущую жизнь крепких спиртных напитков. Интуиция подсказывала, что он вряд ли бы стал меня одевать после того, как закончил. Или я сама оделась? Мне теперь нужно лететь в аптеку и покупать какие-то таблетки, чтобы предотвратить возможную беременность? Или к гинекологу? А если спросить прямо, пользовался ли он презервативом?

Должно быть, все эти разнородные мысли отражались попеременно на моем лице, поскольку мужчина усмехнулся и сказал:

– А ты можешь побледнеть еще сильнее? Попробуй, мне интересно. И ничего у нас не было.

– Не было? – глупым хриплым эхом отозвалась я.

Его бровь чуть приподнялась.

– Ты как будто разочарована. Нет, Юль, не было. Мне еще ни разу не приходилось трахать блюющих девиц.

И сразу же, будто кадрами из полузабытого фильма, я вспомнила, как обнималась с белоснежным унитазом. А Сергей Андреевич сидел на бортике ванной, попивал коньяк и отвешивал какие-то циничные замечания. Я просила его уйти… кажется. А он издевался: «Ну как же? А подержать тебе волосы, как в романтических фильмах?».

А до того он только успел подойти ко мне, как меня замутило. Больше от его прикосновения к плечу, чем алкоголя. Хотя и алкоголь не заставил себя долго

ждать – мужчина даже не успел меня поцеловать, что-то спрашивал – а я что-то отвечала. И успевала выпить еще как можно больше. Потом побежала в ванную.

Разочарована ли я? Да только рада! Знала бы, что так получится – глотала бы коньяк еще усерднее. С другой стороны, выходит, что я свою часть сделки не выполнила… То есть радость моя напрямую зависит от ответа на следующий вопрос:

– И что теперь?

Он сел, подхватил штаны с пола.

– Теперь у меня много дел. Вставай, отвезу до дома. Завтрак не предлагаю.

При мысли о завтраке снова накатила тошнота.

Сам он неспешно выпил кофе, оделся – примерно тот же прикид, что и вчера. Похоже, ублюдок соблюдает одинаковый стиль: дорогие джинсы, футболка, а сверху пиджак. Вышел в прихожую, взял с тумбы ключи от машины и просто махнул мне головой. Я поспешила на выход без лишних вопросов.

Я помалкивала. Просто не знала, как спросить прямо, не хотелось нарываться на неприятности. Отметила про себя, что он не спросил адрес. Тишина затянулась, но эта была хорошая тишина, мне все равно с этим человеком обсуждать нечего, кроме неприятных вещей. Однако он, когда автомобиль остановился у моего подъезда, повернулся и сказал:

– Ты ведь понимаешь, что я не слишком доволен итогами прошлой ночи?

Слова пришлось из себя выдавливать:

– П… понимаю. Я не думала, что так… получится.

– Но тебя это не смущает.

Я вскинула голову, вот только долго прямого взгляда не выдержала и уставилась в лобовое стекло.

– Слишком много того, что меня смущает. Но это никакого отношения не имеет к тому, что мне стало плохо. Надеюсь, я выглядела настолько отвратительной, что вам больше не захочется меня видеть.

– Захочется, – он говорил мягко, с улыбкой. – Тебя можно видеть, если держать подальше от Джека Дэниэлса. Не предусмотрел, что ты так восторженно присосешься не ко мне, а к моему лучшему другу.

– Но вы не выглядите злым, – констатировала я.

– Злым? – он будто удивился. – Меня мало кто видел злым, но и они тебе свидетельских показаний не дадут, по причине отсутствия говорилки. Да и с чего мне злиться? От тебя вчера все равно толку было бы мало – ты сама себя так накрутила, что устроила бы свистопляску нам обоим. Больше возни.

– Выходит, что вы собираетесь получить свою часть позже? Думаете, завтра или послезавтра я уже не устрою свистопляску?

– Не думаю, Юль. Уверен. Человек – такая свинья, ко всему привыкает. Даже к постоянному стрессу. Так что увидимся, – и блеснул зубами.

Я дернула за ручку, желая поскорее убраться из машины. Сказать все равно больше нечего, переварить бы произошедшее. Но он остановил:

– Ты ведь понимаешь, что мне уже скинули о тебе всю информацию? Откуда приехала, где учишься, список родни и даже про отсутствие кредитной истории. Так что если мне придется побегать, то, вполне возможно, тебе посчастливится увидеть меня злым. До свидания, Юля.

Я замерла на секунду, но после рванула на свежий воздух.

Отмывалась я ванне долго, будто вся была измазана грязью. В институт, конечно, не пошла – еще одна лопата при закапывании моей учебы. Но вечером придется пойти на работу. Где бы набраться сил до вечера?

Теперь я буду бояться выйти из дома, да и дома вряд ли буду чувствовать себя в безопасности. Гад явится в любой момент, растянет эту свою мерзкую

ухмылочку и потребует уплаты долга, как монстр из мультфильма. Нервная система сдавала, теперь мне отчего-то хотелось смеяться. Уж точно не от веселого настроения. И все-таки я начинала надеяться – ну, богатый, красивый, избалованный преступник явно не может быть так уж сильно заинтересован в моих интимных услугах! Что ему с них? Просто поиздеваться? Вчера я сама нарвалась на неприятности, вот он цинично и воспользовался. Но пройдет день или два, ему самому станет лень тратить на меня время. Конечно, уверенности в настолько благополучном исходе было мало, но почему бы не рассматривать и такой вариант? Он был прав: человек привыкает жить в состоянии стресса, психика сама ищет и находит выходы, чтобы сохранить разум.

В полпятого я все же вышла из подъезда, направляясь к остановке. Только там вспомнила о Крисе, проходя мимо его дома. Надо же, я два года была в него влюблена, я из-за него вляпалась в такую катастрофу, но с самого утра о нем даже не вспомнила – потому что голова была забита вещами поважнее. Сейчас же застыла на полушаге, но потом заставила себя идти дальше. Я даже не знаю, в какой квартире он живет! Мой прекрасный принц, которому до меня вообще никогда не было дела, он заинтересовался, лишь узнав о моих финансовых проблемах. Неужели он всерьез думал, что уговорит меня стать проституткой? Снова зло усмехнулась себе под нос. А ведь я не переезжала в общежитие только по той причине, чтобы видеться с ним… Выходит, недостаток денег можно сгладить, просто открыв глаза на новые обстоятельства.

И тем не менее я невольно оглядывалась по сторонам, желая его встретить. Теперь совсем не для романтической болтовни, а попросить помощи. Я вчера ему буквально спасла жизнь, так пусть поможет хотя бы советом! Все же он этого Сергея Андреевича знает лучше. Или его брат знает лучше: как с тем говорить, что предложить взамен. Мне не помешала бы любая помощь. Криса я не разглядела, да и это понятно – после вчерашнего он недели две будет отлеживаться, если вообще не в больнице.

Рабочая смена оказалась трудной как никогда, в конце я едва стояла на ногах. И все равно вечером домой не спешила, целых полтора часа топала домой пешком – деньги сэкономить, все польза. Хотя, конечно, на самом деле просто боялась увидеть возле своего подъезда знакомую машину.

Машины не было ни в тот день, ни на следующий, ни через день. А через три дня любые эмоции тускнеют – я сама не заметила, что уже не вздрагиваю от каждого шороха и телефонного звонка, что привычно начала улыбаться и

общаться с подругами после лекций. Почти вернулась в свое нормальное состояние, а черное пятно неприятностей становилось все менее и менее страшным.

Сергей Андреевич объявился тогда, когда я уже уверилась, что больше никогда его не увижу.

Глава 4

Сразу после матанализа мы выскочили на улицу: курящие – покурить, голодные – купить по пирожку, остальные – составить компанию первым или вторым. Хотя на самом деле, все – чтобы немного проветрить голову после мучительно колоссального объема информации, который в принципе не способен улечься сразу в мизерных запасах человеческой памяти. Двадцати минут для этой сверхмиссии все равно бы не хватило, но мы ни разу не упустили возможности попытаться.

– Тепло-то сегодня как, – щебетала Маринка. – Ох, как зиму не хочется! Опять наряжаться в медведей три месяца подряд!

– Это ты-то медведь? – рассмеялась Наташка. – Твои зимние сапоги на девятисантиметровой шпильке делают тебя похожей на кого угодно, только не медведя!

– А я и не о себе, – отозвалась красавица Маринка, которая действительно всегда одевалась так, как будто шла на рекламный баннер фотографироваться, – я про Юльку нашу. Вот уж кто всю зиму медведь!

– Удобство важнее красоты, – беззлобно буркнула я. Этой фифочке с богатым папенькой все равно не объяснишь, что на ее прикид мне пришлось бы год работать без сна и еды. И то, хватило бы только на один сапог. Да и носиться по городу от института до дома, от дома до работы, с работы еще куда-нибудь намного веселее в комфортной одежде, а не опасной для жизни обуви.

Наташка неожиданно сменила тему:

– Прогуляемся до канцелярского? У меня тетрадка по английскому закончилась, куплю там.

Все, конечно, тут же направились по широкой асфальтовой дорожке в указанном направлении. Матанализ выветривается из головы успешнее на ходу.

– Еще бы она у тебя не закончилась, – вздохнула я. – Такого объема сочинения нам нечасто задают. Заметили, что преподы после аспирантуры обычно как с цепи сорвались? Отыгрываются после собственных мучений? Я до трех ночи с этим треклятым сочинением…

– Сочинение! – дошло до Петьки, который незримо увязался за нами.

После чего сокурсник хлопнул себя по лбу, резко развернулся и поскакал в учебный корпус. Неужели надеется хоть что-то наскорябать за оставшееся время? Мы дружно рассмеялись и продолжили путь, придумывая веселые клички англичанке-мегере, озверевшей после аспирантуры.

И я подавилась вдохом, разглядев знакомый автомобиль. Надежда на то, что машина на краю парковки просто похожа, была раздавлена еще одной безуспешной попыткой вдохнуть. Водитель стоял снаружи, облокотившись на капот и заправив руки в карманы. В очередном пиджачке поверх футболки – каким бы теплым ни был день, для такого наряда он явно был прохладным. Сергей Андреевич с легкой улыбкой наблюдал за мной, отступать было поздно.

Я споткнулась, Маринка поддержала за локоть, не глядя, и без пауз продолжала о чем-то рассказывать – я уже не слышала. Но и она вдруг замолчала, посмотрев в ту же сторону или ощутив, что я перестала передвигать ногами.

– Ого, – вздохнула она как ни в чем не бывало. – Папа тоже думал взять Майбах, но говорит – дорого в обслуживании. А если случайно поцарапаешь, то все, ложись рядом и помирай от потери потерь. Ты чего застыла, Юль? Знакомый твой?

Ей никто не ответил, зато Сергей Андреевич, словно мог расслышать ее слова издалека, склонил голову набок, не отрывая взгляда от меня.

– Девочки, идите без меня, – я прошептала едва слышно и заставила себя повернуть на парковку.

Не спешила, ощущая растущее и уже такое забытое волнение, но повторяла себе, что лучше подойти, чем бежать. В любом случае: приехал ли он специально ко мне или оказался здесь по совсем другим делам. Последнее, что мне стоило делать, – злить этого человека. Потому я и шла, вот только каждый следующий шаг давался все труднее.

– Что вы здесь делаете? – спросила без приветствия, поскольку ответ на этот вопрос был самым важным.

– Не рада? – он издевательски улыбнулся. – Решил, что у тебя было достаточно времени, чтобы перестать трястись. Перестала?

Я больно закусила губу. Выходит, он здесь из-за меня – самый плохой вариант.

– Почему не позвонили? – поинтересовалась я. – Сомневаюсь, что вам не передали и мой номер.

– Хотел устроить незабываемую романтическую встречу. С цветами и кольцами. И с самым романтическим предложением, как можно провести остаток пятницы где-нибудь у меня на даче. Разве телефонным разговором я бы добился того же восторга в твоих глазах?

Никаких цветов, понятное дело, у него не было. Но иронию я оценила – та еще романтика, когда девушка вляпалась по собственной глупости, а неблагородный рыцарь оказался настолько циничным, чтобы стребовать с нее все долги. Настроение вновь упало до отметки «утро после катастрофы». Я отвела взгляд, уставилась на собственные обшарпанные кроссовки.

– У меня еще семинар, Сергей Андреевич.

– Пропустишь.

Конечно, ему плевать. В принципе, английский я пропустить могла – такие проблемы можно и после разгрести. Но так не хотелось вновь чувствовать себя

загнанной в угол мышью… Хоть бы еще немного времени отсрочки. Я говорила, не поднимая взгляда:

– Сергей Андреевич, может, завтра? У меня вечером работа. Я не могу пропускать работу. Завтра…

– Завтра у тебя найдутся еще какие-нибудь дела, – перебил он мягким голосом. – Ау, Юль. Ты не с деканом о пересдаче зачета договариваешься, со мной вообще лучше не пытаться торговаться – целее будешь.

Меня передернуло. Но я прекрасно понимала его сравнения. По приказу этого человека меня сегодня же могут убить. Или всю мою семью. Или Криса, чтоб ему пусто было. С какой стати ему бы принимать во внимание какие-то мои заботы? Потому я медленно кивнула, а голос чуть задрожал:

– Хорошо. Дадите пять минут?

Он, так и не вынимая рук из карманов, подался вперед, коснулся носом моих волос и разрешил:

– Пять.

Отпрянул не сразу, насладившись моей реакцией – я вмиг сжалась, затем пошел в сторону, чтобы обойти машину и сесть за руль.

Пока ждала девчонок, успела позвонить на работу. Сослалась на внезапную простуду. Начальница довольна не была, она о больничных сразу предупреждала – ей задохлики не нужны. Но все же я отпрашивалась в первый раз, потому она кое-как смилостивилась и не пригрозила тем, что в следующий раз мне просто выдадут расчет. Быстро достала из сумки тетрадь и всунула в руки подошедшей первой Наташке.

– Сдай, пожалуйста, за меня. Мне нужно срочно уехать. Скажите… блин, скажите, что плохо мне стало. Или еще что-нибудь.

Наташка пригляделась:

– Тебе реально плохо? Бледная какая-то.

– Да, все отлично. После матанализа у меня всегда такой вид.

А вот Маринка подмигнула:

– Отмажем в лучшем виде, Юль! Только при условии, что ты нам все расскажешь вот про того самого знакомого, – она многозначительно кивнула в сторону парковки.

Она не повернулась в ту сторону, потому не видела, как машина уже выехала и остановилась на проезде, будто поторапливая меня.

– Потом, – я отмахнулась и поспешила уйти, пока монстр что-нибудь ужасное не совершил при моих знакомых. Он парой фраз мог бы довести их любопытство до такого уровня, после которого я уже никогда объясниться не смогу.

Села внутрь, захлопнула дверь и пристегнула ремень безопасности. Безопасность – наше все. Даже смешно.

Осмелилась заговорить минут через десять, когда удалось немного обуздать волнение, а машина уже выезжала из города на окружную трассу:

– И что там будет?

– Могу сказать, чего не будет, – Сергей Андреевич улыбался дороге. – Джека Дэниэлса.

– Почему мы едем за город, а не в вашу квартиру?

Он отвечал совсем без пауз и одинаковым тоном:

– Как показывает опыт, в лесу труп прятать чуть проще, чем в центре города.

– Плохая шутка.

– Какое счастье, мы наконец-то начали понимать шутки.

– Тогда зачем мы едем за город?

– Чтобы вокруг было безлюдно. Я могу спокойно приковать тебя на все выходные и делать все, что захочу, а тебе будет даже разрешено орать в полный голос – все равно никто не услышит.

– Опять шутка?

– Ну… если тебе так спокойнее.

Так или иначе, но когда мы подъехали к шикарному трехэтажному особняку, я уже дрожала всем телом. И совсем не от сладкого предчувствия.

Сергей Андреевич мягко, но настойчиво подталкивал меня в спину.

– Чувствуй себя как дома, Юль. Скинь куртку. Я затоплю камин. И все-таки рискну предложить тебе немного вина – я вообще люблю рисковать.

От вина я отказываться не стала. Понимая, что расплата уже неотвратима, мне стоило каким-то образом настроиться и просто это пережить. К счастью, Сергей Андреевич явно не спешил. Он не останавливал меня, пока я ходила по всему дому, разглядывая обстановку. Открывала попеременно все двери, выглядывала в окна, замирала перед картинами в лестничных пролетах. Понятное дело, откуда у него столько денег – наркотики, проституция, клубы и черт знает что еще, но ничего хорошего. А потом все равно вернулась к камину в гостиной. Мужчина кочергой перемешивал угли, а в другой руке держал бокал с темно-красной жидкостью.

Сказал тихо, не оборачиваясь:

– Иди сюда, Юль. Я не кусаюсь.

– Кусаетесь, – почти спокойно ответила я, но все-таки подошла.

Он отдал мне бокал, я сделала пару глотков – терпко, почти горько. Мужчина не приближался – даже наоборот, отошел от меня и сел на изящный диван, раскинув руки по спинке.

– Расскажи о своей подработке. В смысле, я знаю, где ты работаешь, но неужели не нашлось места выгоднее?

Я развернулась к нему, но осталась у камина. Да, времени у нас предостаточно. Он явно не спешит накинуться на меня сразу, а будто бы специально растягивает этот момент моего страха и его предвкушения. Я тоже была готова растягивать:

– Слыхала я уже об этих местах. От Криса. И даже не поняла до конца, что он имел в виду – настолько они не вписывались в мое восприятие мира.

У его серых глаз очень странное свойство – сам мужчина вроде бы смеется, а взгляд остается прожигающе пристальным. Как будто ловит каждый неверный жест или реакцию. И голос – почти бархатный, всегда на грани равнодушия:

– Охотно верю. Но варианты не ограничиваются теми, что мог предложить тебе Крис. Хотя все зависит от степени твоих финансовых затруднений.

– Боюсь, Сергей Андреевич, мои финансовые затруднения никогда не будут такими, чтобы я захотела ими делиться с вами.

– О! – он чуть приподнял бровь. – У зашуганной овечки начали расти зубы? Хороший знак. Это вино так действует?

– Не вино. Вы, – честно сказала я.

А потом подумала и налила себе еще на два глотка. Сергей Андреевич не останавливал и продолжал все так же внимательно следить за мной, как будто хищник в засаде, ждущий, когда жертва окажется достаточно уязвимой для нападения. Если так пойдет и дальше, то я сама попрошу его начинать. Выполнить, вернуться домой и всю оставшуюся жизнь потратить на попытки забыть.

– Ты голодная? Мишань вечером привезет продукты, но там вроде бы можно хоть бутерброды сварганить.

– Нет, – я ответила уверенно, аппетит в самом деле пропал будто бы навечно.

– Тогда осторожнее с вином, тебя с двух глотков ведет.

Мои щеки действительно раскраснелись, а взгляд неосмысленно блуждал по пространству. Но вовсе не от вина, а волнения. Однако переубеждать этого человека я смысла не видела, потому просто поморщилась вместо ответа.

Сергей Андреевич чуть заметно усмехнулся и позвал:

– Юль, иди сюда.

Началось? Ноги вновь наполнились ватой, но я заставила себя подойти к дивану. Мужчина подался вперед, перехватил меня за запястье и потянул на себя. Усадил на колени, придерживая сзади одной рукой, развернул боком.

– Расслабься, – он улыбался, глядя мне в глаза. – Я ведь пока ничего не делаю. Почти.

И это «почти» тут же было подтверждено сокращением расстояния. Я зажмурилась и ощутила его губы на своих. Он как будто не напирал, целовал мягко, поверхностно, но не отстранялся, несмотря на отсутствие реакции. Долго, расслабляюще, самоконтроль отступал сам собой, поскольку напряжение рано или поздно начинает спадать. Я не сразу ощутила, что постепенно он прижимает меня теснее, удобнее укладывает на своей руке и все сильнее нависает, лишает свободного пространства. Осознала я это, только когда его язык скользнул между губ, а отшатнуться я уже не сумела.

Он как-то коротко выдохнул мне в рот, погружая язык еще глубже. Его рука надежно удерживала мою голову, палец лениво скользил по скуле, но поцелуй становился все напористей. Я невольно начала отвечать – вернее, сами губы просто реагировали на чужие движения. И эта ласка тоже здорово затянулась, пока я окончательно не привыкла.

Потому и ойкнула от неожиданности, когда он вместе со мной встал, вынужденный прервать поцелуй. Я вмиг сжалась до своего первоначального состояния, прекрасно понимая, куда и зачем меня теперь несут. В поцелуе было чуть легче отстраниться от этих мыслей. Он пнул ногой дверь ближайшей спальни, уложил меня на кровать и тотчас прижал руками, удобно размещаясь между бедер и придавливая всем весом. Снова поцеловал, но на этот раз довольно быстро отстранился и не позволил мне окончательно отвлечься.

Глаза его изменились – в них все еще плескалась ирония, но уже какая-то напряженная.

– Юль, давай сегодня так: ты будешь притворяться, что это изнасилование. А я буду притворяться, что это не изнасилование. В другой раз поменяемся ролями.

– В другой раз?

Рассмеялся и сразу, пока опомниться не успела, вошел языком мне в рот. Теперь я оказалась в еще более уязвимом положении, но вряд ли я собиралась всерьез сопротивляться. Толку сопротивляться? К счастью, он явно не спешил – продолжал целовать до тех пор, пока вновь не ощутил, как я начинаю расслабляться. Лишь после этого немного подался бедрами вперед – скорее рефлекторно. Или осознанно дал мне возможность почувствовать, как он возбужден. Пошлое движение, на которое я тоже не смогла отвлечься, поскольку отвечала на все более интенсивные движения языка.

Он, не отрываясь от губ, чуть приподнялся, направил одну руку вниз, положил на грудь и сжал сквозь ткань. Скользнул по бедру, его пальцы ощутимо сдавили ягодицы, но не остановились и там. Вместо возбуждения я чувствовала только новые порывы страха, которые он в очередной раз заглушал поцелуями. Наверное, если он будет целовать меня непрерывно, то я смогу отвлечься и все это перенести. Но и такая надежда не сбылась.

Мужчина перехватил меня за плечи, рванул вверх, усаживая, подхватил край футболки и резко потянул ее вверх. Я была вынуждена поднять руки. Бюстгальтер улетел на пол через секунду, а я инстинктивно прикрыла грудь руками. Сергей Андреевич этого будто не заметил – расстегнул мои джинсы и, откатившись назад, снял и их вместе с трусиками. За считанные секунды я оказалась перед ним полностью обнаженной, и на этот раз он решил уделить

внимание моей стеснительности: многозначительно усмехнулся, взял меня за запястья и медленно отвел руки в стороны, рассматривая мое тело с какой-то демонстративностью. Что ж, нужного эффекта он добился – теперь все мое лицо горело от стыда.

Осторожно, подчеркнуто нежно он снова приблизился и вскользь коснулся губ, щеки, переместился к уху и прошептал:

– Юлька, выдохни уже, сама загоняешься. Это все равно когда-нибудь произойдет, и обещаю, что ты не посчитаешь меня худшим из вариантов. Я сейчас разденусь. Смотреть можно. Трогать тоже, так уж и быть. Только не сильно, а то я немного уже за гранью. И вот пока будешь смотреть и трогать, просто прими как факт – это когда-нибудь произошло бы, а я не худший вариант.

Трогать его я не собиралась. Как и объяснять цинику, что есть еще такие понятия как «чувства», «любовь», которые и определяют лучший вариант. А уж никак не техника.

Он стягивал одежду, не спеша и не медля, не отводя от меня ироничного взгляда. Возможно, знал, какое впечатление производит – он хорош, худощав, не перекачан, но высушен до отчетливого рельефа. Когда стянул джинсы, я скользнула взглядом по возбужденному органу и отвела глаза – и это явно доставило Сергею Андреевичу удовольствие. Он будто специально встал коленями на постель, постепенно приближаясь ко мне или подчеркивая, что совсем не стесняется того, что член возбужден, головка налилась до красноты, а по стволу бегут синие вздувшиеся венки. Потянулся к прикроватной тумбе, подхватил пачку и вновь выпрямился, позволяя мне рассматривать, как длинные пальцы раскатывают презерватив. У меня же от такого зрелища даже мимолетное возбуждение схлынуло.

Вот только закончив с подготовкой, он снова вернулся к ласкам. Поцелуи – уже не только в губы, но и шею, спускающиеся ниже и как будто неспешные. Язык коснулся соска, отчего мне стало как-то не по себе, в теле появилась неуютная дрожь. Но я позволила ему втягивать соски в рот, ласкать их языком и даже почти до боли сжимать губами. Рука его блуждала ниже, теперь иногда заныривая на внутреннюю сторону бедер. Когда я снова попыталась инстинктивно сжаться, рука с силой надавила на колено, вынуждая широко раздвинуть – тогда я и поняла, что вся его расслабленность обманчива. Мужчина контролирует все мои движения, и если я начну ему мешать, то он быстро

напомнит, кто здесь главный.

Дрожь от касаний усиливалась, а когда пальцы занырнули внутрь, то мне и вовсе захотелось выгнуться, настолько неожиданными и сильными оказались ощущения. Он не обратил внимания на очередную мою попытку напрячься – продолжая посасывать грудь, довольно интенсивно заскользили внутри пальцы. От каждого движения мое дыхание сбивалось на стон. Я сама ненавидела себя за то, что чувствую явное удовольствие от такой изощренной пытки.

Закусила губу – не помогло. Бедра сами слабо подавались вверх, как если бы я осознанно хотела сильнее насаживаться на его пальцы или увеличить темп. Еще немного и я начала бы стонать в голос. Тогда я сдалась и попросила:

– Поцелуйте меня.

Его губы отстранились от груди, перемещался вверх он медленно, но… завис в паре сантиметров и просьбу не выполнил. Наоборот, пальцы внутри теперь заскользили по окружности, а мужчина просто наблюдал за мной – как закрываю глаза, не в силах справиться с ощущениями, как снова их распахиваю, смотрю на него с ненавистью и уже сама не понимаю, на что именно злюсь.

Потянулась к нему, успела только слабо укусить за нижнюю губу и снова рухнула на постель от очередного, очень тесного движения внутри. Именно это, кажется, и послужило ему сигналом – пальцы вдруг исчезли, мужское тело снова прижало меня, и теперь между ног я почувствовала другое давление.

Он лизнул меня по губам и посмотрел в глаза. Только теперь из его взгляда пропала извечная ирония.

– Не своди ноги, Юль. Можешь, наоборот, согнуть в коленях – устройся максимально удобно. Сейчас тебе нужно совсем расслабиться и принять меня.

Вместо расслабления его слова вызвали противоположный эффект – я вся сжалась внизу. Но он только покачал головой, и рукой направил член внутрь. Остановился, войдя совсем немного. Мне же казалось, что давление немыслимое и там просто нет достаточного пространства, чтобы он вошел полностью.

Чуть толкнулся бедрами вперед, отступил. Так и продолжая слабо раскачиваться, наклонился и прошептал мне в губы:

– Ну что же ты такая трусиха? Ты вся мокрая, сильно больно не будет.

– Боюсь, – проскулила жалобно, как если бы всерьез надеялась его этим остановить.

Он неожиданно озорно улыбнулся.

– Да ну тебя, Юлька. Устроила тут, понимаешь, бег с препятствиями.

И мгновенно поцеловал. Поймав долгожданную ласку, я пропустила момент, когда он резко вошел. Вспышка разорвавшейся внутри короткой боли, но мужчина уже не останавливался, наращивая темп и входя все глубже. Растяжение с каждым толчком менялось с неприятного на просто непривычное, а потом и начало отзываться все растущим удовольствием. Теперь я уже растворилась в ощущениях, продолжая посасывать его язык все более жадно. Это сильно отвлекало от переходов от одной стадии к другой, сама не заметила, в какой момент начала постанывать уже не от боли.

Он входил уже так резко, что у самого дыхание сбивалось. Замер, сильно напрягшись, под моими пальцами его плечи будто налились камнем. Оргазм его вызывал какие-то мучительные голодные отголоски и внутри меня.

Сергей Андреевич приподнялся, одновременно выходя, откатился на бок и снова улыбнулся. Черт его дери – клоуном ему надо работать с такой страстью повеселиться, а не главным мудаком города. Я зачем-то улыбнулась в ответ – наверное, радовалась, что все кончено. Само собой, сразу после я намеревалась вскочить и убежать из этого адского места, где как-то неожиданно переплелись буквально все яркие эмоции, а страх туго переплелся со страстью, но хватило места для того и другого. Однако, вопреки всем гениальным планам, я случайно прикрыла глаза и уснула.

Глава 5

Когда проснулась, его рядом не было. Я осторожно, не включая свет, нащупала свою одежду, нашла и сотовый телефон – полвторого ночи и пропущенных звонков нет. Понадеялась, что это означает отсутствие проблем на работе.

Тихо, на цыпочках, вышла из комнаты и спустилась по затемненной лестнице на первый этаж. Сергей Андреевич обнаружился на кухне, он что-то быстро шинковал ножом. Прекрасно понимая, что наверняка попаду в поле его зрения, я скорее по инерции и так же тихо направилась к двери.

– Куда собралась?

Застыла и медленно повернулась. Улыбаться ему я не хотела, но все же ступила в круг света, понимая, что объясниться придется:

– Домой.

– А, – он улыбался, не поднимая на меня лица. – Километров тридцать до города. Может, компас тебе выдать?

Уловив сарказм и проклиная себя за неуместную сонливость, не позволившую уйти засветло, я осмелела:

– А может, просто отвезете меня?

– Ночью? Я не настолько умею ухаживать за девушками.

– Вы за ними вообще ухаживать не умеете, – не сдержалась я.

Сергей Андреевич хмыкнул и ножом смахнул овощи с доски в высокую сковороду.

– Вот мы и вернулись к теме, зачем нужно было ехать сюда. Чтобы сбежать так просто не удалось и пришлось поболтать. Садись, Юль, болтать будем.

Я заняла стул с противоположной стороны и заметила:

– Я не слишком горю желанием с вами разговаривать, неужели непонятно?

– Более чем понятно. Тогда будем есть. Есть-то ты горишь желанием?

Честно говоря, я была зверски голодна, но, само собой, могла и потерпеть до дома. Больше всего в этот момент я мечтала о суперспособности к пространственному перемещению: здесь растворилась, а появилась в каком-нибудь другом месте. Даже не столь важно, в каком именно, лишь бы подальше отсюда. А он готовит, есть предлагает, маньяк какой-то… Я только теперь сообразила, что происходит, и выпалила:

– А продукты Мишань привез? Он уже уехал? Он не сможет подкинуть меня до города?

– Уехал с полчаса назад, – мужчина иронично приподнял бровь. – А его ты, выходит, не боишься? Мишань – мужчина, наверное, видный. Но давай ты будешь на других мужчин смотреть уже после того, как мы разбежимся.

Он вроде бы снова шутил, но я саркастично охнула:

– Вы сказали так, будто мы встречаемся!

Сергей Андреевич все же глянул на меня – сплошное веселье во взгляде, еще и округлил глаза для полноты картины. Жаль, руки заняты, а то еще бы и к щекам прижал, подражая бабульке на лавке:

– Ой, а ты спишь со всеми мимопроходимцами? Куда молодежь катится?

Все ясно, шутит. Но заданный тон неожиданно пришелся мне по душе – он будто бы не подразумевал резкой смены на негатив или угрозы. Да и рассчиталась ведь я, уже все позади. Получается, я теперь свободный от обязательств человек. Потому тоже немного расслабилась и ответила ему тем же тоном:

– Ой, Сергей Андреевич, не со всяким проходимцем! Только с теми, кто мне угрожает! До двадцати лет дожила, а впервые с таким повстречалась. Ну да ладно, умнее буду. Выбраться бы теперь только из этой истории, пусть не невредимой, но хоть живой.

– Ты сейчас мне сказку про Волка и Красную Шапочку пересказала? – он и не думал отрицать или раздражаться. – Юль, иди пока в душ. Как раз ужин будет готов к твоему возвращению. Или это уже завтрак?

– А если я не хочу идти в душ? – вскинулась я. – Тоже заставите?

– Зачем же заставлять? Мне, наоборот, твой вариант больше нравится. Тогда поедим и вместе сходим.

Я мигом передумала и вскочила со стула.

– Пожалуй, я одна схожу.

– Ну во-от, – протянул он мне в спину довольно. – А то я всех заставляю, хотя я только умею правильно расставлять приоритеты.

Достойный ответ почему-то придумался только под горячими струями воды. Что я все его издевки понимаю, что все его манипуляции вижу! И как он подменяет понятия. Приоритеты он выставляет, как же. Просто альтернативы дает такие, что своего добивается исключительно шантажом. И этот полуироничный тон – тоже часть манипуляций: он сбивает ощущения, заставляет на время забыть, что перед тобой хладнокровный убийца и преступник, а не приятный в общении парень.

Конечно, ничего из этого я так и не озвучила после того, как вернулась на кухню, потому что парировать надо сразу, а не опосля. Тушенное с овощами мясо оказалось неплохим. А за время отлучки я успела настроиться на тот тон, которого собиралась придерживаться.

– Лучше бы вы шеф-поваром в ресторане работали, Сергей Андреевич. Девушки такое любят.

– Комплимент? – он снова улыбнулся. – Не иначе что-то задумала. Говори уже.

– Говорю, – продолжила я без паузы. – После этого замечательного ужина вы отвезете меня домой?

– Утром. Зачем ехать по темноте?

– Потому что я так хочу. Имею я право что-то хотеть? Ну, раз уж между нами никаких долговых обязательств не осталось.

Он отвлекся от еды и пару минут меня разглядывал. Потом спросил:

– Так мы наконец-то перешли к обсуждению желаний? Тогда моя очередь. Почему бы нам с тобой не продлить долговые обязательства?

Я от удивления уронила вилку – интересно, на какой ответ он рассчитывает?

– А это что еще значит?

– Кажется, ты притворяешься глупее, чем есть на самом деле, – он вновь вернулся к трапезе.

Я, конечно, понимала. Он предлагает переспать еще раз. Или даже не раз? Мое изумление только нарастало:

– О! Неужели я в постели оказалась настолько хороша, что вам не хочется меня отпускать?

– Ни в коем случае, Юль, ты была бревном, – ответил с усмешкой. – Но потенциал я вижу. Если уж ты без особого желания смогла разогреться, то, захотев меня по-настоящему, превратишься в идеальную для меня любовницу.

Мне все еще происходящее казалось театром абсурда:

– Вы заставили меня! И после этого предлагаете мне стать вашей любовницей?

Сергей Андреевич лишь плечами пожал – вот и весь ответ на мои обвинения.

– Ага. Хочу втянуть тебя в интересную игру. В твои задачи входит слушаться, а в мои – делать хорошо нам обоим.

– По всей видимости, вы не в своем уме…

Он перебил, заговорив теперь чуть резче:

– Не тупи, Юль. Это реальная жизнь, а не сказка. Я получу тебя, раз уж захотел. Ты же за счет меня можешь решить все свои финансовые проблемы. Это больше не принуждение, это взаимовыгодное сотрудничество, о котором другие могут только мечтать.

– Нет, Сергей Андреевич, это проституция!

– Видишь – все дело в терминологии. Все люди занимаются проституцией. Когда на тебя орет начальница, а ты терпишь, потому что нужны деньги, – это проституция. Когда женщина выходит замуж, чтобы обеспечить себя и предоставить кому-то решение ее проблем, – это проституция. Все продаются и покупаются, вопрос только в цене и терминологии. Или они достигают такого уровня, что сами становятся продавцами и покупателями.

– Как вы?

– Как я. Так что? Девственность до свадьбы у тебя хранить все равно не выйдет, ты ничего не теряешь.

– Нет, теряю. Очень жаль, что вы не понимаете разницы.

– Уверена?

– Абсолютно.

– Как хочешь.

Показалось, что он согласился слишком легко. И совсем не разозлился. Но я повторяла себе, что все сделала правильно. Понятно, что многое продается и покупается, но человек сам выбирает, что именно продавать и за какую цену. Да подойди он же ко мне на улице, без всей этой грязной предыстории, спроси телефон, улыбнись – вот точно так же улыбнись, как сейчас – и я бы пошла с ним и на свидание, и в постель. Вполне возможно, потом бы обнаружила, каков он

есть на самом деле, но уже бы воспринимала иначе. А так… уж точно не хочу.

Закончив, я встала, пытаясь выглядеть не слишком взвинченной. И снова тихо попросила:

– Раз мы все обсудили, то может, вы все-таки отвезете меня?

Он демонстративно зевнул, однако тоже поднялся и направился в гостиную. Нашел ключи от машины, накинул какую-то темную ветровку. Я, приняв это за согласие, тоже быстро подхватила сумку.

Ехали молча, но к счастью ди-джей по радио разбавлял эту мучительную, слишком длинную тишину. И вдруг машина резко съехала к обочине.

– Выйдем на минуту, – сказал Сергей Андреевич.

Я же затряслась. До города осталось совсем немного. Ладно, если он решил больше не тратить на меня время и просто высадит здесь – доберусь. Но зачем тогда сам вышел? Он же не будет убирать свидетельницу его дерьмовых делишек? Куда я с этой информацией побегу? После последней встречи с полицейскими – уж точно не в полицию.

Вышла. Горизонт уже светлел, а осенняя прохлада усилилась предрассветной влажностью. Я поежилась. Сергей Андреевич развернулся ко мне и с улыбкой поинтересовался:

– Тебе нравится, что ли, меня бояться? Иначе и не объяснишь, почему ты из всех эмоций сразу выбираешь именно страх.

– Потому что вас следует бояться, – честно ответила я. – Вот если я когда-нибудь при виде таких людей испытаю что-то, кроме страха, вот тогда и бейте тревогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/orlova_tal-yana/zalozhnica-chuzhih-zhelaniy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить